

МЕДЛЕННЫЕ ПТИЦЫ

(Бытийный круг в поэзии Николая Алешкова)

*...Я по Ко́ме впадаю в Волгу и взлетаю на
Млечный Путь.*

*Зачерпнув из реки небесной благодати,
увидю вдруг правый берег, покрытый
лесом, левый берег - цветущий луг.*

Николай АЛЕШКОВ

*...Узкая-узкая, дальняя-дальняя в поле дорога
мерещится мне.*

Дмитрий КЕДРИН

В последние десятилетия в русской литературе утвердился мотив возвращения. Как никогда прежде он силён и особенно отчётлив в современной поэзии. В прозе, сопрягая минувшие времена настоящим днём, авторами исподволь проводится «мысль о неверности пути, которым идёт страна, и о реставрации многих поруганных святынь и постулатов, на которые в прошлые эпохи опиралась русская жизнь. Фактически перед нами тот же мотив, только воссозданный на конкретном материале и закреплённый художественно вычерченными характерами героев произведения.

Поэзия обладает исключительной возможностью преодолевать границы реальности, не говоря уже о линиях, которыми расчерчено наше пространство и время. И здесь уже возвращение выглядит как акт волевой и метафизический, которому воспрепятствовать житейскими, видимыми действиями, практически, невозможно. Именно потому русская жизнь, напитываясь духовными энергиями поэзии, во многом сохраняет себя под давлением западного образа жизни, устроенного с сатанинским лукавством и жестокостью.

Вместе с тем, понимание русского бытия связано с его цельностью, несмотря на многие и многие нестроения в отечественной истории и действительности. В нём есть некая задача, которую русский человек чувствует интуитивно, но обозначенная словами, она теряет свою убедительность и неземной объём и становится очередной сентенцией или философским построением.

Только в поэзии интонация и волшебная способность самого строя речи проникать невидимые стенки и непреодолимые рубежи позволяет воплотить внятно сокровенный смысл и сердечные движения лирического героя и народа, частью которого он себя чувствует.

Интуиция народа бывает подавлена искушениями и заблуждениями, в реальности — иной раз самого кровавого толка. Однако с течением лет эти глубоко спрятанные мысль и чувство набирают силу и заявляют о себе вновь. И потому русская поэзия не споря с Православной Верой, является хранилищем и проводником народной души — идеального образа русского человека, способного освободиться от всего низкого и поклониться изначально высокому и светлому.

Стихи Николая Алешкова в этой связи могут показаться совсем не сосредоточенным совокупным лирическим высказыванием. И здесь — их тайна, когда за пустяком высвечиваются важнейшие вещи, а за лёгкими словами — смысл, охватывающий жизнь и судьбу.

Его литературная биография охватывает последние четыре десятилетия. Перед глазами поэта прошли события, изменившие страну и её нравы, а сам он, когда-то работавший монтером связи, электриком, диспетчером на стройке, стал одним из любимых русским читателем в Татарстане авторов. Десять книг, множество стихов опубликованных в периодике, строки проникновенные, иногда несерьёзные. Вот самая краткая характеристика творческого пути Алешкова. Однако есть ещё некая бытийная тропа, незримые шаги по которой связаны со смыслом прожитого и понятого. О ней и пойдёт речь. Но прежде стоит назвать самые общие свойства его лирики.

У Алешкова поэтическая речь проста, порой обыденна, в ней нет литературной изощрённости («я простой и понятный»). Его пейзажные, элегические стихи очень естественны, а природа, как правило, олицетворена. У неё есть характер и повадка словно у знакомого или прохожего. Это позволяет автору снять дистанцию как между читателем и поэтом, так и между человеком и миром («Август <...> чуть прошёл по листве и с особою охотой по просёлочной траве»; «как невесты,

стали чинно с жемчугами да с фатой и берёзы, и осины вдоль дороженьки пустой»). Обыкновение, повадка его героя — скорее, сельские, чем городские. И тут особенный срез сознания: селянин, живущий в городе, но тоскующий по деревне («деревенским поэтом по Отчизне иду»). Он — земляной человек, не асфальтовый, и ценит прикосновение порою даже больше созерцания — именно так он входит в природное перетекание света и темноты, предмете! и тел. Физика любви почти магнетически притягивает его, но и то, что осталось только порывом в отсутствии телесного соприкосновения, очень значимо: «...необъяснимая словами жар-птицей нежность промелькнёт. Прекрасно всё, что не случится!»

Алешков — один из самых предметных поэтов, приверженных русской лирической традиции. Картины жизни человека и природы у него удивительно точны в изобразительном отношении. Прочитав стихотворение, будто через увеличительное стекло видишь описанное. Причём его строки вмещают в себя и переживание, и затаённую мысль: «Отзовётся детство гулко: с лёгкой удочкой в руке по широкому проулку босиком бегу к реке».

В его сюжетах много житейского, ему нравится укладывать в стихи ту или иную реальную историю («достану, молча, книжку записную и что-нибудь о жизни расскажу»). Делает он это с завидной лёгкостью, очень точно прописывая мизансцены и вскользь ронж характеристику происходящего: изображая, осознавая и, одновременно, ведя читателя.

Алешков всегда чувствовал себя поэтом — особенным, отдельным человеком «Кто-то в небе поймал журавля. Я услышу небесное слово». Но только со временем стало понятно, чем оплачивается такая жизненная роль («с одиночеством дружи» «всей душою, всюю кровью, птицей в небе — песню спеть»).

*А на лужайке Настенька и
Ванечка, две светлорусых
детских головы, — и золотые
брызги одуванчиков рассыпаны по
зелени травы. <...>*

*И над садами дачными рассеялся
вишнёвый и черёмуховый дым, но
не грущу я больше по-есенински,
что я не буду больше молодым.
<...>*

*А на лужайке Настенька и
Ванечка весёлым смехом радуют
гостей и белый пух сдувают с
одуванчиков, и он летит над
памятью моей*

В этой солнечной картине светятся блики счастья — как детского, так и взрослого. Заметим: когда хранит интуитивное ощущение собственной причастности к роду, тогда и возникает в его душе подобное «райское» эхо...

Умудрённость души и её широта — отличительные черты облика лирического героя Николая Алешкова. Все умозаключения, «хорошие советы» и предостережения ещё прежде автор испытал на себе, и это сказывается в искренности поэтической интонации («ты сам выбираешь — в добре или зле возрасть»). В его стихах не найти амбивалентного отношения к жизни и человеку — здесь поэт открыт, определён. В его голосе слышна сокрущённость, когда он упоминает о своём жизненном пути, который переоценивает и переосмысливает. Бережно берёт всё светлое, живое, порывистое, страстное — и судит свои метания, здесь сюжеты стихотворений достаточно красноречивы.

Размышления о чистоте скрытого душевного родника, который помогает ему освободиться от всего наносного, тяжкого и грязного, почти постоянны в лирике Алешкова («тело моё — грешное, а душа чиста»; «пусть живу, греша, но в стихах останется чистою душа»; «но по ночам я вижу сны, в которых ты меня простила»; «если в пьяном бреду ни за грош пропаду, нет прощенья, мой свет, мне за эту беду»; «да, велика моя мука, но велика и вина»).

*Небесный свет струит добро.
Январский снег, как серебро,
на солнышке бликует.
Я опускаюсь в полынью,
чтоб душу грешную свою
очистить — пусть ликует.*

На таком фоне графика смыслов стихотворения об эмигранте-стихотворце, который занят исключительно собственным успехом и благополучием, врежется в сознание читателя правдой о неистинном герое: «Он как поэт здесь никому не нужен. Стих»: — давно забытые грехи. <...> Народу ненавистная порода кумира сотворит из ничего...

Между тем, исповедальные строки Алешкова о родном крае становятся свидетельством не только его лирической биографии, но и самой личности.

*Правый берег, поросший лесом,
левый берег — цветущий луг.
Здесь крестьянским ржаным замесом
был я втянут в житейский круг.
От истока реки до устья
рыба плещется под волной.
Если вдуматься, каждый кустик
мне с рождения здесь родной.
Здесь отец мой всю жизнь
трудился. Здесь мой дом и родня.
Где родился, там пригодился» —
эта присказка про меня.*

Кама — река, на которой прошло детство автора. Словно в духовном видении, он соединяет её течение с жизнью и космосом: «Я по Каме впадаю в Волгу и взлетаю на Млечный Путь». Его герой, вкусив благодати из «реки небесной», внезапно видит родные берега — всё земное, что бесконечно дорого его сердцу. И происходит метафизический цикл слияния земли с небом и неба с землёй. Одновременно возникает, согретое воспоминаниями, странное прикосновение «давней» души героя, ещё не повреждённой беспощадными поздними искушениями, — к его «изношенной судьбе».

Alter ego поэта в стихотворениях — человек довольно буйного нрава. Влюблённый в земное чувствование, в женскую телесную красоту, он совершает поступки, о которых позже горько жалеет: «Душа, как астроном, тоскует о небесном, а тело о земном!» Кажется, что лирический герой самозабвенно купается в водах жизненной реки и чувствует её течение, а в его сознании нет впечатления возможного конца. Так звери и птицы проживают дни и годы, не подозревая об их краткости и конечности. И это — примета давней, отменённой первым грехопадением и позабытой принадлежности к Раю. Однако для человека всё иначе, ему дано понимание добра и зла и чувство скоротечности времени.

У Алешкова первое и второе восприятие жизни взаимно переплетаются, и возникает движение вспять: от устья — к истоку, от космоса — к земному уголку. Чувство жизни без предела — как вселенной! — превращает цепь житейских забот в бытийный круг, в котором «небесная благодать» и детство перекликаются, всё самое родное и близкое становится нетленным, а небеса оказываются Отчиной («...из поднебесья летит благая весть, что там, среди созвездий, твоя Отчизна есть»). Тут сказывается устройство души корневого русского человека, который может внутри себя соединить землю под ногами с небом над головой. И подобное сочетание будет обладать для него приметамы тёплыми, осязаемыми, знакомыми...

Очень большое место в поэзии Николая Алешкова занимает любовная лирика. Надо сказать, что эта тема по устоявшемуся порядку вещей отдана поэтессам. Ахматова и Цветаева не только подарили русской литературе стихи такого рода, но и как будто обозначили художественную территорию, где женский тип лирического высказывания кажется главным и единственно возможным. Разумеется, стихи о любви у современных поэтов встречаются часто, однако они, практически, никогда не становятся приоритетным направлением их творчества. И Алешков оказывается редким исключением из «цехового» правила.

*Целуй же! Мне твои желанны губы
Их дикий мёд я только пригубил.
Не мсти за то, что не был однолюбом,
что не тебя сильнее других любил.
Рассудит Бог — лишь он меж нами третий.
А в небесах, где Млечный Путь блестит,
одну лишь душу я хотел бы встретить,
которая за всё меня простит.*

У Николая Алешкова любовная тема выходит из собственных берегов и достигает русской природы, дыхания небес, земной тяги и всего круговорота жизни человека. Причём начало этого созерцательного движения дано в современности — в таком контексте у поэта нет размышлений над историей и её фигурами. Стихи его отличаются печальной мудростью и мальчишеской безоглядностью, а также — завидной простотой, когда из реальных деталей возникает метафизическая дымка любовного чувства. Порой он может изобразить, на первый взгляд, избыточное количество подробностей события, что более свойственно прозе, но почти всегда в его строках есть замечательная недосказанность, «послесвечение» слов. В свою очередь, множество реальных черт происходящего придают достоверность стихотворению, после чего

рука поэта сообщает тексту «волшебство» — и он оживает... Алешков обладает способностью передать в строке черты, доступные глазу — и внутренние, психологические: «Как горестно сжаты и плотно желанные губы твои...».

*Птиц щебетанье в прибрежных кустах
то ли на Каме, а то ли на Волге, ветра порыв, поцелуй на устах —
долгий.*

Как хороша здесь последняя усечённая строка, протяжное ударение в первом слоге: и форма торжествует, и чувство царит безраздельно! Возлюбленная поэта, ставшая затем его женой и матерью сына, ушедшая, но оставшаяся навсегда в памяти — вот центр огромного числа поэтических сюжетов Николая Алешкова и содержание лучших его стихотворений. Он сопрягает семейный лад с природой, сердечное движение у него неотделимо от физической близости.

*Мы оба с тобою не знали греха,
как роща, как озеро. Гладкая кожа
была после бури смиренна, тиха.
Весенние грозы... Ты пашня, я пахарь.
И сроки наступят. И вырастет сын...
Душа твоя — нежная певчая птаха —
покажется в просини между рябин.*

Время беспощадно разрушает союз двух сердец, появляется новая семья, приходят другие лирические коллизии. Но память о любимой возникает в стихах Алешкова постоянно, во все последующие годы. И здесь перед нами — жестокий конфликт бытийного кольца и житейского поля. Он неизбежен для всякого человека, теряющего родных и ждущего собственного смертного часа.

Подобная раздвоенность художественного сознания непреодолима для художника, который погружён в телесный мир и затаён в собственных душевных переживаниях. Жизнь духа, несомненно, являет собой некий тоннель в запредельное пространство, однако главным вопросом для человека оказывается вопрос памяти. Узнает ли он в тонком космосе тех, кого любил и берёт, сохранится ли вместе с ним то драгоценное, живое, искреннее, узнаваемое, что делало существование на земле осмысленным и порой счастливым? И поэт обращается к реке, что утекает, кажется, в саму вечность:

*Развей мою печаль, река, развей!
Иная жизнь — и женщина иная. Возврата нет.
Я о любви твоей как о воде протёкшей вспоминаю.*

Не однажды в стихах Николая Алешкова возникает образ журавлей. Обычно в русской поэзии их полёт связан с наступлением осени, когда птицы и родная земля разлучаются и приходят холода. Однако у Алешкова этот образ связан с возвращением на родину: «Мне журавли под осень прокричали, что я по снегу к матушке вернусь». Здесь — важный, объёмный знак, однако его смысл не выходит за границы житейского распорядка. Тем не менее, подобная «осенняя» дорога в родные края обретает у поэта черты надмирные, когда «у бездны на краю проплывают медленные птицы к северу, на родину твою».

У Алешкова тезис «пора подумать о душе» неотделим от телесной жизни, он словно бы спорит с ней и примеряется к границам земного существования. Однако при всех таинственных предчувствиях и предзнаменованиях ощущение полноты жизни от детства до старости сопровождает большинство стихотворений поэта.

Но избежать роковых вопрошаний не удаётся и ему: «Мы тоже уходим, сами не зная куда»; «Легко ли душе возвращаться, откуда однажды пришла?» *Когда моя душа простится с телом, не сразу мне закрой глаза, скорбя. Я, может быть, ребёнком оробелым в последний миг почувствую себя. Я, может быть, увижу, как вдали душа летит к таинственному лону, и медленные птицы — журавли — за нею вслед летят по небосклону.*

Величие и грозное содержание беспредельного бытия, куда малой песчинкой попадает освободившаяся от брэнного тела душа человеческая, читаются здесь в образе оробевшего ребёнка, который чувствует ещё только самого себя — как средоточие индивидуальной жизни, полной эмоций и тревожных ожиданий.

Знание пути не отменяет сам путь. Вот почему в стихах Николая Алешкова существуют на равных правах прозрения о бытийном круге и смятение человека, стоящего перед неизведанным и бесконечным пространством. Он сам определяет собственную судьбу и

преодолевают трудные, нехоженые тропы. *Придёт и Пасха. Молодой звонарь на колокольне свяжет воедино небесный купол и земной алтарь, и благовест услышит вся долина.*

Небесное и земное, церковное, мирское и природное взаимно соприкасаются, а молодая сила связывает телесное с духовным под весенним светом Пасхи Господней. - Вот где таятся единственные ответы на горькие земные вопросы, к которым каждый подбирает свои слова: тихо, не таясь, коротко и просто. *Судьбы твоей дорога лишь тем и дорога, что ты поверил в Бога, что ты простил врага. Печаль твою излечат река, притихший лес, и тёплый летний вечер и звёздочка с небес... Пиши стихи, на Млечный поглядывай покой, и, может быть, за вечность зацепишься строкой...*